

И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любови безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ— съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила,
А разлучить—одна могила!..

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучемъ въ пещеру ударяетъ;
И беспокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣля, обнимаетъ.
И помню—въ этой самый часъ
Обыкновенно пѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпиль?..

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжить ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ не нужно намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ—колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣтъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣтъ.
«Но смерть», онъ мыслить, «не близка!
Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
Все не кончина роковой!»
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ;
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангель пѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Въ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти—уладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ..
Но скоро при огнѣ лампы
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,

Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангель Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли?—даже въ преступленья
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнял все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакать... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангель зналъ—и какъ не знать?—
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!..

И Ангель мыслью пораженъ,
Достоиную небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастнымъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ;
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангель Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть—не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранить онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адъ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчный, какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои—
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!..

Однажды, на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой пѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большие черные глаза
На друга дѣва устремляла—
Но въ дикомъ сердцѣ бѣшевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разстѣнные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады